

Жернов был немалых размеров и, прежде чем везти его домой, надо было сперва решить, где именно его поставить.

Шестой дядя-гун всегда с вниманием относился к младшему поколению семьи, а потому идти к нему с пустыми руками было бы неприлично. Чжун Мин захватил с собой по горшочку креветочного и рыбного соуса, которые они с супругом считали своей гордостью, и с этими дарами отправился к нему.

Шестой дядя-гун был уважаемым человеком, его слово весило немало. Хотя он был не самым старшим по возрасту в роду, все равно в душах всех членов клана он оставался признанным старейшиной, и стоило ему выступить с каким-либо мнением, никто не смел его ослушаться.

Чжун Мин положил принесённое на стол. Подарки не были особенно ценными, поэтому Шестой дядя-гун не стал особо отказываться, просто принял и, усевшись, спросил, зачем тот пожаловал. Узнав, что Чжун Мин собирается купить жернов для приготовления соусов и хочет установить его в общем каменном доме рода, старик помолчал с минуту, а потом сказал:

— Ты ведь уже женат, супруг у тебя есть, почему бы тебе не построить собственный каменный дом и не поставить жернов там?

Чжун Мин опешил: действительно, он об этом как-то даже не задумывался. С тех пор как помнил себя, во время ураганов он всегда ходил укрываться в горы вместе с семьями третьего и четвёртого дяди, и поскольку те после женитьбы просто забрали к себе домашних, ему это казалось вполне естественным.

Но теперь, после слов Шестого дяди-гуна, он вдруг осознал — он уже не мальчишка, а человек из младшего поколения, вступивший в брак, и по-хорошему должен бы иметь собственный дом. Ведь в доме рода Чжун рано или поздно для всех просто не останется места.

Шестой дядя-гун лёгким движением выбил свою трубку:

— Я ж не говорю, что в родовом доме нельзя держать, — начал он, — ты ведь упомянул, что хочешь давать другим членам рода попользоваться жерновом, это дело хорошее. Только сколько у нас в роду Чжун человек? А что у кого на уме, по лицу не прочтёшь. Жернов вещь не дешёвая. Если оставить его в горах, где никто не приглядывает, и каждый будет приходить да вертеть как вздумается, не ровен час, поломают, и ты потом не узнаешь, с кого спросить.

Он сделал затяжку, выпустил струйку дыма и сказал:

— Это ж не железный котёл, не вся семья на него скидывалась, как в былые времена. Тогда все и берегли. А этот жернов — твоя личная вещь, лучше уж сам и присмотри за ним как следует.

Он взглянул на Чжун Мина пристально, с какой-то отцовской серьёзностью.

— У тебя ведь жизнь только-только стала налаживаться, будет неплохо, если под таким предложением ты и в самом деле выделишься в отдельное хозяйство.

Чжун Мин несколько не сомневался, что Шестой дядя-гун знает о его напряжённых отношениях с четвёртым дядей, в конце концов, Байшуйао не столь велик: ругнёшься с кем на восточном берегу, и пока морской ветер донесёт восточку, на западной лодке уже сидят, обсуждают, что да как.

Однако старик не стал прикрывать своё наставление разговорами о почтительности к старшим и не стал призывать идти мириться с четвёртым дядей, что ясно говорило: ему и самому надоело вмешиваться. Все прекрасно знали, что Го-ши — склочный сплетник, от его языка страдали все, и дурной характер был всем очевиден.

Теперь-то он вернулся в родительский дом, а у людей воды разводы — дело не редкое. После развода и детей вместе растят, таких примеров хватает. Вот и не лезут особо, знают, что если уж дело вылилось наружу, значит, зашло далеко. Недаром говорят: “Честному судье трудно рассудить домашние дразги”.

Жить отдельно и правда, лучше. В Байшуйао в любое время года может налететь тайфун, за год пару раз обязательно приходится перебираться в каменный дом. Каждый раз делить одну крышу с четвёртым дядей и его семьёй - уже от одной мысли по спине мороз.

Чжун Мин задумался о постройке каменного дома и понял: вряд ли у него будет возможность заняться этим самому. На такую постройку уходит очень много камня, а вся трудность как раз в том, чтобы в горах найти подходящий материал и тащить его вниз.

Остальные семьи готовы были тратить силы на строительство, потому что знали: если уж построишь как следует, такой дом и десятки лет простоит. А вот Чжун Мин в глубине души ясно чувствовал: ему не суждено прожить в Байшуйао всю жизнь, и даже половину жизни будет слишком. Когда у них с Су И родится первый ребёнок, он обязательно найдёт способ выйти из низшего сословия и перебраться на берег ради будущего своих детей.

Значит, каменный дом не обязательно должен быть новым, главное, чтобы стоял прочно и в нём можно было жить.

— Шестой дядя-гун, вы и сами знаете, как у нас в семье всё скромно, — Чжун Мин говорил с уважением, но без лишней учтивости, — чтобы прокормить всех, целыми днями крутишься, как волчок, и совершенно нет ни сил, ни времени строить каменный дом. Да и жернов, сами видите, вот-вот купим, если сейчас начинать строительство, попросту не успеем.

Он вспомнил, что в деревне Байшуйао осталось немало старых каменных домов, только у рода Чжун таких было несколько. В одних раньше жили старики, но те уже умерли, а дети — девушки или геры — после замужества или женитьбы переселились к семьям мужей, и дома так и остались пустыми. В других семьях разрослась, старый дом стал тесен, и тогда наспех выстроили новые, более просторные.

Чжун Мин поделился своей мыслью с Шестым дядей-гуном и сказал:

— Я готов заплатить немного серебра и выкупить такой пустующий дом у наших родственников. Отремонтировать старый всё же быстрее, чем строить новый.

У людей, живущих на воде, не так много способов заработать. Большинство из них берегут каждую монету, а ведь с гор можно спустить камни самому и не потратить ни гроша, так кому охота выбрасывать деньги на готовое?

Но раз Чжун Мин хочет купить, Шестой дядя-гун не стал его отговаривать:

— Я разужнаю, кто хочет продать, — пообещал он. — Постараюсь найти тебе такой, что поновее, чтоб потом меньше хлопот с ремонтом было.

Шестой дядя-гун был человеком надёжным, с его обещанием у Чжун Мина словно камень с души свалился. Прошло всего несколько дней, и Шестой дядя-гун прислал весточку через внука, велел Чжун Мину зайти к нему. В тот момент у Су И как раз не было дел, и он пошёл вместе с ним.

Мужчина, продававший каменный дом, тоже был родственником по клану Чжун, хоть и не особенно близким. Чжун Мин должен был звать его дядя Тан, а его отца, при жизни, называл Третий дядя-гун.

Дом, который предлагали, был небольшой, ровно вполовину меньше старого дома семьи Чжун. Построен он был аккуратно, в правильной квадратной форме, и за исключением протекающей крыши и покрытых мхом щелей между камнями, серьёзных недостатков не имел.

— Этот дом я построил, когда только женился, — сказал родственник. — С тех пор немало лет прошло. Потом дети пошли один за другим, стало тесно, мы переехали. Лет пять-шесть назад, когда налетел тайфун, крышу сорвало. Жалко было просто бросить, вот я и подлатал её как мог. Сейчас дом стоит крепко, просто нам он больше ни к чему.

Дом всё равно пустует, а так хоть немного серебра выручить можно. Кто бы раньше подумал, что старый каменный дом кто-то захочет выкупить? Если бы пришли не люди от шестого дяди-гуна, он бы решил, что кто-то шутит или обманывает.

Цена была оговорена заранее — два лян серебра. Су И достал из принесённого с собой узелка две увесистые связки медных монет и передал их хозяину. Тот пересчитал, всё сошлось, и сделка была заключена. Шестой дядя-гун выступил свидетелем. Дом стоял в деревне, построен был своими силами, принадлежал роду Чжун, потому никаких письменных договоров и не требовалось.

Каменный дом был выкуплен, и когда настала пора его чинить, пришёл третий дядя вместе с

Хуцзы, за ним и Чжун Шитоу подтянулся. Чжун Мин заметил, что Чжун Шитоу, по крайней мере, по-прежнему охотно признаёт его своим двоюродным братом, просто с таким отцом и матерью, как у него, ему, наверное, и вправду приходится несладко. Чжун Мин не собирался усложнять ему жизнь, и в его присутствии не заговаривал о том, что портит настроение. Три брата снова стояли рядом, и казалось, будто всё осталось по-прежнему слаженно и тепло.

Братья Лю Шуньфэн и Лю Шуньшуй тоже пришли помогать. С тех пор как всё выяснилось в прошлый раз, они, как и хотели, получили в аренду последний ларек на Северной улице, и дела у них шли неплохо. Лю Шуньшуй всё ещё чувствовал вину перед Чжун Мином и, услышав, что тот затеял ремонт дома, первым примчался предложить помощь. Посторонние, глядя на них, и заподозрить бы ничего не могли - ни тени напряжения.

Когда крышу подлатали, со стен снаружи и внутри соскоблили мох, который больно резал глаз. Щели между камнями заделали раствором, обновили настил из мелкого песка на полу, сменили сгнившую деревянную дверь, и дом заиграл новыми красками.

Додо увязался за всеми и пошел смотреть новый дом. То тут, то там принюхивался, копал песок, словно проверяя, что где прячется. Чжун Мин тут же позвал Чжун Ханя и велел унести кота, пока он не решил, что свежий песок — это новая уборная, и не закопал туда парочку своих сюрпризов.

— Как только поставим жернов, он займёт немало места, — сказал Чжун Мин, удовлетворённо похлопывая по каменной стене. — Но мы же здесь не будем жить постоянно. Завтра с утра пойду с Чжань Цзю в деревню.

В день, когда жернов доставили в Байшуйао, на улицах собралась толпа - многие пришли посмотреть. Дети с лодок, рождённые на воде, как когда-то Су И, вовсе и не знали, что такое жернов. Видя, как огромные камни один на другом везут на телеге, они только диву давались, галдели и бегали вокруг, то вперёд, то назад.

Среди них Чжун Хань оказался самым осведомлённым, настоящим знатоком. Он с важным видом объяснял друзьям, что это такой жернов, который может перемалывать бобы в соевое молоко.

— Бобы высыпашь в дырку посередине, крутишь-крутишь — и соевое молоко течёт!

Он с гордостью добавил:

— Я вместе со старшим братом в уезде видел, как он работает.

Дорога на гору была крутая, а каменные круги и основание жернова — тяжёлые. Чтобы

затащить их наверх, пришлось воспользоваться теми же способами, что и при эвакуации лодок перед тайфуном: двое мужчин тянули верёвками спереди, двое других толкали сзади, а рядом шло ещё несколько человек, что-то советовали, давали указания, подсказывали, куда лучше встать и как повернуть.

Когда жернов доставили на место, несколько человек, сбившись в кучу, взялись за дело: подняли тяжёлые камни и, как указал Чжун Мин, собрали конструкцию воедино.

Чжун Шитоу, мальчишка живой и шаловливый, первым не удержался и налёг на жернов, толкнул - и правда, тот сдвинулся.

— Брат Хуцзы, ты тоже попробуй! — закричал он.

К ним тут же присоединился Чжун Ху, и вскоре несколько ребят из рода с увлечением начали по очереди толкать жернов, будто в игру играли. Чжун Мин, глядя на них, только покачал головой. И впрямь хотелось оставить их тут, пусть бы по очереди крутили, заодно и пользу приносили, не впустую растрачивая силы.

Наблюдая за происходящим, он не удержался от напутствия:

— Смотрите, когда толкаете, берегите спину, не надрывайтесь.

Сказав это, он пригласил помогавших с установкой людей выйти передохнуть. Су И вместе с Чжун Чунься набрали в кувшины холодного чая, принесли и разлили каждому для утоления жажды.

Третий дядя Чжун, держа чашу одной рукой, а другой опираясь в бок, стоял перед каменным домиком. С самого начала, когда Чжун Мин сказал, что хочет купить себе отдельный каменный дом и переселиться, он был против, считал, что это он, как третий дядя, не справился с обязанностями, что отношения между младшим братом и племянником разладились, и если так дальше пойдёт, весь клан развалится.

Но Чжун Чунься его тогда переубедила, мол, зачем столько думать и ломать себе голову.

— Четвертый — наш с тобой брат, — сказала она, — пока мы с пятым братом признаём его своим, семья не распадётся. А А-Мин — уже младшее поколение, с дядями и тётками у него отношения и впрямь могут быть не близкими, что в этом такого? У нас самих есть тёти-дяди, и что, много с кем часто видимся? Не говоря уже о том, чтобы под одной крышей жить.

Теперь же, глядя на приличный каменный дом и установленный жернов, третий дядя Чжун почувствовал всем сердцем: всё правильно, так и должно быть. Младшие взрослеют, становятся на ноги, создают семью, обзаводятся собственным хозяйством, разве ж это плохо? Это же самое настоящее благо.

Он осушил чашу воды одним глотком и, вытирая рот, заулыбался с удовлетворением.

С появлением жернова готовить соус стало куда легче: и пусть он не велик, но и сил тратится меньше, а всего за несколько оборотов получалось столько, сколько раньше руками вымешивали за полдня.

Пару раз попробовав жернов в деле, Чжун Мин с Су И заметили, что если делать сразу и креветочный, и крабовый соус, вкусы перемешиваются, а отмывать жернов каждый раз - дело муторное. Потому решили, что впредь будут в день или два готовить только один вид, так и мыть меньше, и возни меньше.

После нескольких дней такой напряжённой работы наконец пришло время перевести дух.

Праздник Морской Богини уже на носу, а для людей воды это день не меньшей важности, чем Новый год. В этот день проводится благодарственное жертвоприношение божеству, каждый непременно должен войти в храм, возжечь благовония и поклониться. Сопровождающая церемонию ярмарка тоже обещала быть шумной и весёлой: шествие божеств, уличный театр, цирковые представления, чего только не было! Продавцы угощений и всякой всячины, что радует глаз, заполняли всё вокруг. С таким весельем впереди в эти дни все, как один, ходили с улыбкой и работали с удвоенной охотой.

В первый день ярмарки Чжун Мин с Су И надели одежду, сшитую к их свадьбе, а Чжун Хань — почти неношенный праздничный наряд, пошитый к Новому году. Волосы были аккуратно причёсаны, руки и лицо вымыты, ведь иначе это считалось бы неуважением к Морской Богине.

После утренней трапезы несколько семейных лодок по договорённости подняли якоря, вышли из Байшуйао и двинулись в путь к храму Морской Богини, что стоял на острове Пиншань, в полчаса хода по морю.

<http://bllate.org/book/13583/1205039>